

Слово ¹⁾, произнесенное священникомъ І. П. Воскресенскимъ предъ началомъ отпѣванія скончавшагося въ селѣ Болобоновѣ 12 декабря 1889 года Предводителя Дворянства Курмышскаго уѣзда, Симбирской губерніи, Сергѣя Александровича Шипилова.

Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Что же я, самый меньшій изъ сихъ моихъ сослужителей св. алтаря, могу сказать тебѣ въ послѣдній разъ, мой незабвенный, добрый духовный сынъ, мирно почивающій сейчасъ во гробѣ? Скажу то, что будетъ мнѣ подсказывать искренно любящее тебя мое сердце.

Други мои, братья христіане, печальное зрѣлище послалъ намъ Господь нынѣ.

Предъ нами гробъ—и въ немъ почиваетъ покойно тѣло. Чье же тѣло? Господи, неужели это онъ?—Онъ, который намъ всѣмъ былъ такъ дорогъ, милъ!.. Зачѣмъ, зачѣмъ Ты, Господи, взялъ отъ насъ эту добрую душу? Что мы безъ него!? Но да будетъ воля Твоя. Смѣемъ-ли мы, недостойные, роптать на Твой Промыслъ!

Но Боже милосердый! Духъ-то нашъ бодръ, но плоть немощна. Прискорбна душа наша о потерѣ этого всѣмъ и каждому изъ насъ близкаго человѣка. Но не забудемъ мы тебя, въ Возѣ почившій бояринъ Сергій. Ты нашъ покровитель, ты нашъ благодѣтель, ты нашъ незлобивый во Христвѣ собратъ!

Дѣти мои духовныя—прихожане сего храма! Къ вамъ первое слово объ этомъ почившемъ.

«Чѣмъ онъ васъ обидѣлъ? Чѣмъ огорчилъ? Кому сдѣлалъ зло?» Вы молчите?! Вы не отвѣчаете?! Но пусть съ вашихъ словъ отвѣтитъ усопшему вашъ пастырь.

¹⁾ Было напечатано въ брошюрѣ: «С. А. Шипиловъ, предводитель дворянства Курмышскаго у., Симбирской губ.», Симбирскъ, типографія А. Т. Токарева. 1890 г. стр. 11—15.

Первый заунывный звонъ колокола собралъ въ храмъ всѣхъ собратій во Христѣ усопшаго, и всѣ они единомушно вознесли о тебѣ, чадо мое, усердную молитву Господу Богу. «Батюшка, плохо намъ будетъ безъ него: не нажить намъ такого начальника. Лишились мы добраго барина», говорили мнѣ мои пасомые.

«Служивцы мои! Изъ васъ кому я сдѣлалъ зло? Кого я изъ васъ погубилъ?»—могъ бы спросить усопшій. «Простите меня, если кого изъ васъ я обидѣлъ!».

Уста служивцевъ безмолвствуютъ. Неподдѣльные слезы благодарности ихъ къ тебѣ, усопшій, вопіють на него о твоёмъ добродушіи, справедливости и правотѣ. Могъ ли ты сдѣлать зло, когда служивцы твои во все время даже и намека негодованія на нихъ отъ тебя не замѣчали! «Эго рѣдкой доброты былъ человекъ»,—свидѣтельствуютъ твои служивцы, знавшіе тебя много дѣтъ.

Вотъ всѣ они теперь собрались воздать тебѣ послѣдній долгъ, послѣднее цѣлованіе. Тяжела имъ разлука съ тобою, почившій. Да, всѣмъ, всѣмъ ты былъ слуга, всѣхъ ты любилъ. Истинно, что ты руководился въ жизни словами Спасителя: *кто хочетъ быть первымъ, тотъ пусть будетъ всѣмъ слуга*.

Спросимъ малютокъ школьниговъ. Ихъ дѣтская простая душа еще болѣе чужда лицепріятія. «Чѣмъ, малютки, этотъ лежащій во гробѣ вашъ начальникъ огорчилъ васъ? Чѣмъ заставилъ онъ вашу простую дѣтскую душу негодовать на него?»

«Батюшка, неужели онъ умеръ? кто же теперь насъ будетъ спрашивать на экзаменѣ?» лепечуть дѣтскія уста. «Намъ его жалко, онъ насъ ласкалъ. Мы будемъ молиться о немъ... Позвольте намъ читать псалтирь по немъ по очереди».

— «Читайте, читайте, молитесь, дѣти, о своемъ добромъ начальникѣ. Ваша дѣтская молитва болѣе доступна Богу». И по свѣжимъ личикамъ школьниговъ полилась умиленная слеза.

«Пастырь мой!» наконецъ какъ бы вопрошаетъ сей усопшій. «Скажи съ сего святаго мѣста, предъ тобою чѣмъ я повиненъ? Чѣмъ я нарушилъ въ глазахъ твоихъ обязанности православнаго христіанина? Прости меня, если я виновать въ чемъ либо».

«Другъ мой!»—отвѣтствуетъ пастырь— «ты прости меня! Ты былъ мой покровитель и совѣтникъ въ дѣлахъ общественныхъ. Не благодаря ли тебѣ и моему добродушію семейству этотъ храмъ Божій принялъ должное величіе и благолѣпіе?! Я твой пастырь духовный, но вѣрь, въ то же время ты невольно заставилъ меня любить тебя, какъ моего родного отца. Помню и никогда не забуду твои послѣднія слова, когда я, держа въ рукахъ священнѣйшій сосудъ съ св. Тѣломъ

и Кровію Христа, слушаль твою чистосердечную исповѣдь. *«Батюшка»,* говорилъ ты, въ силу своего христіанскаго смиренія, *«всѣ для меня добры, а я-то дуриной человекъ. Простите меня... Молитесь... а я, видно, уже скоро умру... изъ-то, изъ-то не забудь-те... Миръ жалко изъ...»*

Кого же *изъ* усопшему было жалко? Тѣхъ было ему жалко, къ кому были обращены слѣдующія послѣднія слова покойника: *«Милыя мои! одѣя вы остаетесь... Прощайте!..»*

Къ тебѣ, овдовѣвшая супруга, къ тебѣ, осиротѣлая дочь, были послѣднія слова умирающаго при полномъ сознаніи. — Но что же дѣлать? Знаю, что болить ваше сердце при настоящемъ горѣ; невольно льются слезы изъ вашихъ глазъ; но надо дать волю разсудку предъ чувствомъ. Уповайте на Бога, Который и утѣшитъ васъ въ вашей лютой скорби. Помните, что у Бога сиротъ нѣтъ. Этотъ усопшій заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе къ себѣ. Укрѣпись же ты, овдовѣвшая супруга, вѣрою въ Господа Иисуса; а ты, осиротѣлая дочь, ободрись всею надеждою на милосердіе Божіе. Несите мужественно обѣ возложенный на плечи ваши тяжелый крестъ, не падая духомъ. Вѣрьте, что вмѣстѣ съ вами здѣсь въ храмѣ до гробовой доски будетъ возносить свои молитвы и вашъ безъ него такъ же осиротѣлый пастьеръ.

Да! Прости, прощай, нашъ добрый, дорогой. Миръ праху твоему! Да благословитъ тебя Господь Богъ, который нынѣ отпускаетъ тебя, раба Своего, по глаголу Своему, съ миромъ. Аминь.